

16. Чтение в помещении Могилёвского церковно-археологического музея (епархиальная хроника) // Могилёвские епархиальные ведомости. – 1905. – № 10. – С. 254.
17. Скрынченко, Д. Необходимость церковно-археологического музея и комитета в Минской губернии / Д. Скрынченко // Минское слово. – 1907. – 11 марта. – С. 3 – 4.
18. Волюнец. Западнорусские заметки / Волюнец // Виленский вестник. – 1894. – 6 декабря. – С. 1.
19. Посещение курсистами церковно-археологического музея // Минское слово. – 1910. – 1 июля. – С. 2.
20. А. Ё. Выстаўка ў Навагрудку / А. Ё // Наша ніва. – 1913. – 19 верасня. – С. 2.
21. N. Нашы старажытнасці / N. // Вольны сцяг. – 1921. – № 6 (8). – С. 36 – 38.
22. Каўка, А. Тут мой народ: Францішак Скарына і беларуская літаратура XVI – пачатку XX ст. / А. Каўка. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1989. – 254 с.
23. Асабісты архіў Л.А. Луцкевіча.
24. Дяржаўны гістарычны архіў Літвы. – Ф. 567. – Воп. 12. – Спр. 9287.

Домненкова Л.В. (Беларусь, г. Минск)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАДИЦИОННОГО ЖЕНСКОГО КОСТЮМА БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.

Культурное пространство пограничных территорий представляет собой значительный исследовательский интерес, поскольку содержит в себе информацию о направленности и приоритетах в этнокультурных взаимодействиях. Традиционный костюм, который формировался постепенно, вбирая в себя то, что соответствовало особенностям народного мировоззрения, в зоне этнических контактов выступает как объект пристального внимания, поскольку позволяет оценить степень восприятия и адаптации иноэтничных элементов.

Белорусский народный костюм 2-й половины XIX в. можно оценивать как устойчивое образование, в котором основным формоопределяющим фактором является принцип антропоморфности – соответствия основным поясам,

членениям и объёмам человеческого тела. В нём нет вычурных, прихотливых, чрезмерно увеличенных форм, перегруженных богатыми вышивками, кружевами, лентами, что характерно, например, для ряда локальных народных строев России, Чехии, Германии и т.д. Русский народный костюм в его сарафанном и понёвном вариантах разительно отличается от белорусского и в силуэтном решении (приближается к трапецевидному и прямоугольному), и в объёмности (увеличение за счёт расширяющихся книзу конструкций или многослойности), и в количестве и качестве декора.

Расширение межэтнических контактов в результате включений в новые производственно-экономические отношения в послереформенный период приводит к модификациям традиционных комплексов. Эти изменения наблюдаются на всей территории пограничья. Их можно характеризовать либо как значительные, повлёкшие структурные и типологические изменения, либо не столь существенные, связанные в основном с использованием новых фабричных материалов и сохранением традиционного кроя, декора и состава комплекса.

«В настоящее время, – отмечал Е.Р. Романов, – патриархальный доселе быт белоруса с невероятной быстротой начал поддаваться изменениям. В результате крестьянин получил возможность освободить себя от долгих и тяжёлых работ по изготовлению холста и сукна и стал покупать на бельё и одежду дешёвые ситцы, бумазеи, заменил лапти сапогами» [1, с. 3]. Особенно ярко этот процесс прослеживался на Витебщине, Псковщине, части Смоленщины. Использование более широких, в сравнении с домоткаными, фабричных тканей привело к некоторой модификации в конструктивном решении традиционной женской сорочки: уменьшилось количество швов, увеличились размеры станины и рукавов, что позволило в ряде случаев не вшивать ластовицу. В то же время более тонкие, мягкие и пластичные хлопчатобумажные ткани не привели к увеличению визуально воспринимаемой объёмности изделий.

Гладкокрашенные цветные фабричные ткани (преимущественно разнообразных оттенков красного) стали широко использоваться в качестве выразительных декоративно-конструктивных элементов, что оказало воздействие на образное решение костюма в целом и позволило упростить процесс декорирования изделий. Полики, ластовицы, манжеты, воротники, рукава и даже верхняя часть сорочки или нижняя часть передника часто полностью выкраивались из фабричных тканей. Динамика распространения нашивных украшений по

территории пограничья в исследуемый период указывает на постепенное уменьшение их использования в направлении с востока на запад. Активнее всего применение тканей в качестве способа декорирования изделий прослеживается в местах с развитым отходничеством в текстильные центры (Смоленская и Московская губернии, север Рязанской губернии). В белорусских губерниях фабричный текстиль реже использовали в качестве отделки, примеры тому есть в коллекции Витебского краеведческого музея (об этом можно судить в основном по фрагментам женских сорочек и передников). На Гомельщине на белый «паркалёвы» передник нашивались или вшивались широкие полосы красного ситца или же делалась широкая оборка. Именно в ситцевых передниках отмечается наибольшее развитие форм (не только прямоугольные, но и с разнообразной степенью закругления углов), появляются новые конструктивные и декоративные элементы: выточки, оборки, грудки с ляжками, карманы, мелкие строчки-защипы, складки, фигурные соединительные элементы, кружева. Такие передники, как и традиционные полотняные, украшенные тканями или вышитыми орнаментами, играют активную роль в образно-пластическом решении ансамбля.

О степени воздействия фабричного текстиля на развитие кроя свидетельствует и появление сорочки на кокетке, которая получила широкое распространение на территории пограничья, особенно в местах, связанных с отходничеством. Эта форма разительно отличается от традиционных поликовых, прежде всего преимущественным использованием хлопчатобумажных тканей, кардинальным уменьшением длины стана, рукавов, изменением формы горловины (на Восточной Могилёвщине такую сорочку даже называли «галаплечкай») и способа его обработки (отсутствие воротника). Сорочку на кокетке можно отнести к разряду эволюционных явлений, поскольку она органично вошла в традиционные комплексы и с андараком, и с сарафаном, не вызвав в них каких-либо значительных изменений.

Территория пограничья представляет собой область бытования трёх типов комплексов: с андараком, с сарафаном и с понёвой, формирование которых связано с определёнными периодами культурного развития. Понёвный комплекс, как наиболее архаичный, в конце XIX – начале XX в. начинает активно вытесняться. В восточной части белорусско-русского пограничья понёва и туникообразная нагрудная одежда (кастолан, носов) уступают место сарафану московского типа (высокая юбка на ляжках). Такие же процессы характер-

ны и для традиционного ареала бытования понёвного комплекса южнорусских губерний [2, с. 200 – 208]. Появление московского сарафана отражает развитие сарафанного комплекса в сторону подчёркивания естественных пропорций и конструктивных поясов женского тела.

Русские сарафаны встречались и в некоторых местах Могилёвской губернии. Так, в Гомельском уезде зафиксирован сарафан на лямках (московский). Бытование этой одежды здесь объясняется высокой степенью развитости отходничества и кустарных промыслов, многие из которых имели отходнический характер. По данным А.С. Дембовецкого, из Гомельского уезда уходило на заработки 5520 мужчин и 380 женщин [3, с. 501] – самое большое количество из всей губернии.

Результатом взаимодействия комплекса с андаракон с русским сарафанным комплексом на территории пограничья стало появление новой для белорусов формы, представляющей собой слияние юбки и безрукавки в цельное изделие. Распространение такой юбки с лифом отмечается в зонах наиболее активных контактов (в западных уездах Псковской губернии; Велижском уезде Витебской губернии; Мстиславльском, Чаусском, Чериковском, Климовичском, восточной части Рогачёвского уезда Могилёвской губернии; Новозыбковском, Стародубском, Мглинском уездах Черниговской губернии; в отдельных однодворческих поселениях Орловской губернии, Рославльском, Краснянском, Ельнинском и других западных уездах Смоленской губернии). Этот факт и то, что все части изделия шились из традиционных для них тканей (юбка – из домотканины льняной или шерстяной, лиф – из фабричных тканей), сохранение традиционных особенностей их конструктивного и колористического решения подтверждают стимулирование формообразования под воздействием внешнего импульса и интереса к культуре соседей.

Следует отметить, что на восточных территориях обе части сарафана (лиф и юбка) шились преимущественно из одинаковых тканей, на белорусских территориях этот процесс проходил крайне медленно и в большей степени характерен для поздних форм, за которыми закрепились названия «спадніца з нагруднікам», «сарахан».

Механизм проникновения инноваций хорошо иллюстрирует Н.П. Гринкова в работе «Одежда западной части Калужской губернии» [4, с. 17 – 36]. Так, распространению сарафана как более новой и престижной одежды в деревне, где традиционно носили понёву, способствовало объединение населе-

ния разных уездов в один приход. Сарафаны появлялись вместе с новобрачной из той местности, где они уже были распространены. Привносили их в быт и женщины, которые уходили на заработки или которым приходилось долгое время жить в иной социальной среде. Важным каналом распространения инноваций был и отхожий портняжий промысел. Так, из западной части Калужской губернии портные ходили в соседнюю Смоленскую губернию, откуда была принесена мода на шерстяные сарафаны и название «андарак» [4, с. 26].

Анализ развития одежды на территории белорусско-русского пограничья даёт возможность говорить о необычайной пестроте и неравномерности изменений. Наибольшей стабильностью в конце XIX – начале XX в. характеризовался традиционный комплекс с андараком юго-западной и западной части белорусско-русского пограничья. Некоторые изменения происходили внутри комплекса, что было связано с появлением новых домотканых (с хлопчатобумажным утком) и промышленных тканей и товаров. В костюме молодых женщин и девушек всё чаще входит сорочка на кокетке, передник из фабричного ситца, фабричный платок. Широкое распространение получает безрукавка с отрезной спинкой. Следует отметить, что данный вид одежды, достаточно распространённый и традиционный во многих локальных строях белорусов, на территории пограничья характеризуется большой степенью диффузности, проникновением в комплексы, которым такой тип одежды не был свойственен. В исследуемый период безрукавки носили и с юбкой, и с сарафаном, и с понёвой.

На границе традиционных ареалов бытования специфически белорусского комплекса с андараком и русского сарафанного комплекса наблюдается широкая переходная полоса, охватывающая территорию междуречья Днепра и Десны. Здесь отмечается бытование и андарака, и цельной формы юбки с лифом, и сарафана. Доминирующей является юбка с лифом, в которой особенно активно модифицируется лиф, появляются новые конструктивные и декоративные решения.

Значительные изменения в традиционном костюме происходят под влиянием городской моды. В комплексе с андараком эти изменения связаны с вхождением нового элемента – короткой нагрудной одежды с рукавами – «кохты», «блuzки», «куртки». Данная инновация оказала воздействие, прежде всего, на женскую сорочку и безрукавку, которые переходят в разряд белья. Изменяется и роль передника, который всё чаще воспринимается как сугубо

утилитарная вещь и поэтому не всегда входит в праздничный комплекс. В таком случае возрастают требования к качеству материала для юбки. Особенно ценятся тонкие шерстяные ткани глубоких, насыщенных цветов, на которых несколько нашитых по подолу полос ярких фабричных лент выглядит особенно нарядно. Развивается и конструкция: всё чаще используется крой в клинья, который позволяет получить плавное расширение и большую ширину по низу.

Влияние городской моды на сарафанный комплекс проявилось несколько иначе. Если в значительно трансформированном строе с андаракон северозападной части пограничья многочисленные функции женской сорочки были сведены к утилитарной, то в сарафанном этого не произошло – данный элемент по-прежнему являлся неотъемлемой частью женского костюма. Появление в комплексе сарафана на кокетке (полуплатья), поясного передника, безрукавки связано с воздействием городской культуры.

Тенденция к демократизации одежды, размыванию её половозрастных черт особенно ярко прослеживается в кардинальных изменениях головных уборов, что характерно для всей территории пограничья. На смену сложноставному убору с наметкой или одно- и двурогим формам пришли мягкие – сборник, повойник или небольшой ситцевый платочек в сочетании с платком, у девушек – только платок.

Развитие традиционных женских комплексов белорусско-русского пограничья в конце XIX – начале XX в. представляет процесс достаточно неоднородный и разнокачественный, связанный с особенностями хозяйственной деятельности, формированием текстильных промышленных центров, влиянием культуры города. Комплекс с сарафаном эволюционирует, но уже прослеживается тенденция замены его городским костюмом. Изменения в строе с андаракон в одном случае связаны с потребностями его внутреннего развития, в другом – представляют собой качественный «скачок», приведший к типологически новому комплексу.

По степени изменений в традиционном костюме на исследуемой территории в конце XIX – начале XX в. выделяется, прежде всего, северо-западная часть пограничья (восточные и северо-восточные уезды Витебской губернии, часть Смоленской, Псковская губернии), где более ярко прослеживается влияние городской культуры. Юго-запад исследуемой территории (Гомельский уезд Могилёвской губернии) отличается наибольшей структурной и пространственной стабильностью бытования комплекса с андаракон. В восточной

и юго-восточной части (восточные уезды Смоленской, Калужской, Орловской губерний) наблюдается расширение ареала сарафанного комплекса и вытеснение понёвы. В центральной части исследуемой территории (юго-западные и центральные уезды Смоленской, восточные уезды Могилёвской, северные уезды Черниговской губерний) представляют зону активного взаимодействия комплексов сарафанного и с андараком. Здесь продолжается эволюция комплекса юбки с лифом. В то же время в выделенных областях фиксируются зоны, в которых развитие традиционной одежды либо опережает общую тенденцию, либо заметно отстаёт, что связано с неравномерностью их включения в новые социально-экономические отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романов, Е.Р. Быт белоруса / Е.Р. Романов // Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Вильно, 1912. – Вып. 8. – 600 с.
2. Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории народного жилища и костюма: украшение крестьянских домов и одежды. – М.: Наука, 1970. – 208 с.
3. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилёвской губернии / А.С. Дембовецкий. – Могилёв, 1884. – Кн. 2. – 1000 с.
4. Гринкова, Н.П. Одежда западной части Калужской губернии / Н.П. Гринкова // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. 3. – Вып. 2. – С. 17 – 36.

Иванчина О.Н. (Беларусь, г. Брест)

ЯЗЫКИ БЕЛОРУССКОЙ ИКОНЫ

Язык в широком смысле – это один из факторов культурной коммуникации, который предполагает диалогические отношения, посредством чего осуществляется обмен смыслами. Сакральная коммуникация предполагает следующие уровни интерпретации: семантический (зритель – смысл иконы, первообраз) и прагматический (автор иконы – зритель (интерпретатор)).

В процессе постижения смысла образа неизбежно возникает проблема правильного понимания (декодирования текста): всегда ли зритель адекватно воспринимает то, что хотел сказать автор? Являлся ли автор представителем традиции либо в художественном тексте выражены его индивидуализм и нова-